

На правах рукописи

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович

**АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
КАЗАХСКОЙ СТЕПИ И ХАНСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Оренбург

2020

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

- Научный консультант:** **Любичанковский Сергей Валентинович,**
доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, кафедра истории России, заведующий
- Официальные оппоненты:** **Брежнева Светлана Николаевна,**
доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, кафедра истории России, профессор
- Лысенко Юлия Александровна,**
доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, кафедра востоковедения, заведующий
- Побережников Игорь Васильевич,**
доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, директор
- Ведущая организация:** ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»

Защита состоится «17» декабря 2020 г. в 10.00 часов на заседании объединенного совета Д 999.200.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» по адресу: 460014, Оренбург, ул. Советская, 19, ауд. 333.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» и на официальном сайте университета по адресу: <https://ospu.ru/resources/users/nauka/Dissert.%20Pochekaev.pdf>.

Текст автореферата и объявление о защите размещены на сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации www.vak.ed.gov.ru 14 сентября 2020 г.

Автореферат разослан ____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета С. А. Заельская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования связана с активными процессами евразийской интеграции, поиском новых форм объединения государств на постсоветском пространстве, формирования политических и экономических объединений (Евразийский союз, Таможенный союз). В этих условиях весьма востребованным является исторический опыт интеграции, включая период Российской империи, механизмы включения в ее пространство государств и народов Казахстана и Средней Азии, особенности взаимодействия их органов власти и властных элит. Также нельзя не отметить, что многие методы и средства властной коммуникации, анализируемые в рамках настоящего диссертационного исследования, остаются актуальными и сегодня при выстраивании отношений России с ее стратегическими партнерами – странами Центральноазиатского региона в процессе интеграции евразийского пространства на уровне как их лидеров, так и профильных ведомств, региональных и коммерческих структур.

Научная актуальность исследования определяется возможностями и перспективами использования новых подходов в изучении российской имперской политики в Центральной Азии в самых различных ее аспектах. Диссертация посвящена анализу процессов фронтальной модернизации в Казахской степи и среднеазиатских протекторатах Российской империи – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве.

До сих пор российские преобразования в Казахской степи практически не рассматривались в рамках концепции фронтальной модернизации, представители которой сосредотачиваются преимущественно на изучении Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Лишь отдельные авторы отчасти затрагивали модернизационные процессы в Казахской степи в имперский период, при этом акцентируя внимание на социально-экономических (А. Ю. Быков) или судебных (В. А. Воропанов) преобразованиях. Большинство же авторов прослеживает российские реформы в Казахской степи XVIII–XIX вв., сосредотачиваясь на анализе конкретных правовых актов (включая проекты) и архивных документов, не рассматривая мероприятия имперских властей в контексте фронтальной модернизации (Д. В. Васильев, Г. Б. Избасарова, П. Сартори и П. С. Шаблей и др.). Отношения же среднеазиатских ханств с Российской империей вообще не анализировались в контексте проведения в них реформ имперской администрацией. Анализ политики фронтальной модернизации через характеристику действий и взаимодействий ее основных участников отражает современные тенденции в изучении истории Российской империи и осуществлявшихся в них реформ путем исследования роли конкретных государственных деятелей, администраторов и пр. (т.н. «антропология власти»).

Объектом исследования является политика Российской империи по интеграции Казахской степи и ханств Средней Азии в единое политико-правовое и социально-экономическое пространство в XVIII – начале XX в.

Предмет исследования – антропология властной коммуникации в процессе разработки и реализации российской политики фронтальной модернизации Казахской степи и среднеазиатских ханств в XVIII – начале XX в.

Целью диссертационного исследования является изучение влияния антропологии властной коммуникации (личностного и коммуникационного факторов) на разработку и реализацию российской политики фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- предложить методологическую парадигму, позволяющую сосредоточиться на изучении политики Российской империи в Казахской степи и ханствах Средней Азии в контексте роли личностного и коммуникационного факторов в модернизации названных регионов;

- рассмотреть характерные черты взаимодействия имперских властей между собой и с правителями Казахской степи на начальном этапе фронтальной модернизации (1730–1750-х гг.), сравнить позиции центральных и региональных властей в отношении казахских вассалов;

- выявить изменения средств и методов властной коммуникации в условиях активизации политики российской администрации по интеграции казахских жузов в имперское политико-правовое пространство в 1750–1770-е гг.;

- проанализировать изменения во взаимодействии имперских центральных и региональных властей между собой и с казахской правящей элитой в условиях преобразований системы власти и управления в Казахской степи (реформы О.А. Игельстрома, 1780–1790-е гг.);

- осуществить сравнительную характеристику реформ М. М. Сперанского и П. К. Эссена по преобразованию системы власти и управления в Казахской степи первой половины 1820-х гг., выявить изменения во властной коммуникации в связи с реформами имперской системы власти и управления первой четверти XIX в.;

- охарактеризовать взаимодействие центральных и региональных имперских властей с последними казахскими ханами в 1830–1850-х гг.;

- проанализировать механизмы взаимоотношений Российской империи с ханствами Средней Азии к середине XIX в. и рассмотреть первые попытки их включения в сферу имперского влияния, выявить позиции представителей имперских властных элит и используемые ими средства политической коммуникации в разработке и реализации среднеазиатской политики России;

- изучить особенности взаимодействия первых начальников Туркестанского края с центральными властями Российской империи и среднеазиатскими правителями на начальном этапе установления и

закрепления имперского протектората над ханствами Средней Азии (1860–1890-е гг.);

- исследовать позиции различных властных структур по поводу статуса ханств и политики Российской империи по их модернизации ханств в начале XX в., выявить характерные черты отношений с ними среднеазиатских правителей;

- охарактеризовать изменения во взаимодействии центральных и региональных имперских властей, а также различных правительственных ведомств и среднеазиатских правителей по вопросам политики в протекторатах в условиях восстания 1916 г.;

- проанализировать взаимодействие Временного правительства, региональных властных структур и местных правителей по вопросам политики в отношении среднеазиатских ханств, выявить новые тенденции в модернизации протекторатов и позиции различных политических акторов по ее реализации;

- осуществить диахронический сравнительный анализ основных этапов фронтальной модернизации в Казахской степи и ханствах Средней Азии в контексте антропологии властной коммуникации.

Территориальные рамки исследования охватывают юго-восточную окраину Российской империи (в первую очередь Оренбургский край, а также Астраханскую губернию и Сибирское – позднее Западно-Сибирское – генерал-губернаторство) и пограничную с ней Казахскую степь (территорию кочевания казахских жузов), а также Туркестанский край Российской империи и среднеазиатские государства в их границах XVIII – начала XX вв. (Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства).

Хронологические рамки исследования определяются целью и задачами исследования: поскольку обращение к опыту российской политики фронтальной модернизации в Центральной Азии на примере Казахской степи и среднеазиатских ханств предполагает сравнение имперских действий в этих регионах, автор считает целесообразным выбрать для сравнения относительно сходный политический статус государственных образований в Казахской степи и в Средней Азии.

Соответственно, применительно к Казахской Степи хронологические рамки охватывают 1730–1820-е гг., когда родоплеменными подразделениями казахов управляли ханы (потомки Чингис-хана), и казахские жузы фактически находились не столько в подданстве, сколько в вассальной зависимости от российских монархов. Анализ политики российских властей в отношении казахских правителей, сохранивших ханские титулы (или претендовавших на них) после реформ 1820-х гг., охватывает период 1830-х – начала 1850-х гг.

В отношении ханств Средней Азии хронологические рамки определяются пребыванием того или иного из них под российским протекторатом. Так, российская политика в Кокандском ханстве в рамках диссертационного

исследования изучается в течение лишь короткого периода 1868–1876 г., т.е. с момента признания протектората и до упразднения ханства и включения его в состав Туркестанского края в качестве Ферганской области; соответственно, принципиальным вопросом в рамках исследования является установления факта попыток фронтальной модернизации в этом государстве в столь короткое время его протектората. Бухарский эмират находился под российским протекторатом с 1868 по 1917 гг., а Хивинское ханство – с 1873 по 1917 гг., что и определяет достаточно четкие хронологические рамки исследования российской политики фронтальной модернизации в этих государствах. Тем не менее, в соответствии с целями и задачами исследования автор в необходимых случаях обращается и к более ранним периодам взаимодействия Российской империи с ханствами Средней Азии, в т. ч. к событиям и XVIII, и первой половины XIX в.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды по теории и истории фронтальной модернизации (И. В. Побережников и его последователи), аккультурации (результаты исследовательского проекта РНФ под руководством С. В. Любичанковского), политической коммуникации (М. Н. Грачев и др.), а также основополагающие работы, посвященные проблемам российских реформ в Казахской степи (М. В. Вяткин, С. З. Зиманов, Д. В. Васильев, Г. Б. Избасарова и др.) и среднеазиатских ханствах (А. С. Садыков, Т. Г. Тухтаметов и др.).

Методология и методы исследования обусловлены целями и задачами работы. Междисциплинарный характер исследования обусловил привлечение широкого комплекса методов и подходов из истории и специальных исторических дисциплин, теории и истории государства и права, теории коммуникации. Во многом востребованность различных методов в рамках настоящего исследования диктуется опорой на концепцию фронтальной модернизации, разработка и применение которой строится именно на сочетании различных методов исследования, включая источниковедческий, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, персоналистический и др.¹. Наряду с этими методами также широко применяются общеисторический и логический, а также историко-генетический, историко-типологический, формально-юридический методы, контент-анализ и др. Принципы историзма и научной объективности обеспечиваются опорой на официальные исторические и историко-правовые документы (как опубликованные, так и архивные) и подтвержденные ими факты и события. Сделанные выводы базируются на анализе и систематизации информации, почерпнутой из данных источников.

---

¹ См.: Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации : автореф. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 17–18.

Степень научной разработанности темы исследования. Подробный обзор историографии проведен в первой главе диссертационного исследования, поэтому ниже дается краткая характеристика основных тенденций в ее развитии.

Первые труды по данной тематике относятся еще к XVIII в., т. е. к начальному периоду вхождения Казахской степи в имперское политико-правовое пространство и носят преимущественно прикладной характер. Лишь с конца XIX в. начинают появляться труды этнографического или теоретико-правового характера, в которых казахская государственность и право рассматривались как пример традиционной политико-правовой системы, а российские преобразования анализировались как исторический опыт. В советский период изучение российской имперской политики прошло стадии от безоговорочного осуждения через сравнительно нейтральное освещение к своего рода апологетическим трудам, авторы которых идеализировали имперские преобразования. В современной казахстанской и западной науке имперский период истории Казахстана оценивается крайне негативно и отождествляется с колониальным владычеством.

Сходным образом развивалась историография среднеазиатских ханств под российским протекторатом. В дореволюционных работах авторы старались обосновать установление протектората и подчеркнуть необходимость интеграции Бухары и Хивы в состав Российской империи. В советский период эпоха протектората характеризовалась как колониальная зависимость. В современной отечественной историографии предпринимаются попытки оправдать и идеализировать имперскую политику в протекторатах. В среднеазиатской и западной науке большинство исследователей склонно приравнивать статус протекторатов к колониям и всячески осуждать российские преобразования в Бухаре и Хиве.

В результате наиболее перспективным и объективным подходом представляется анализ широкого круга исторических источников и оценка результатов российской политики в Центральной Азии. В этом отношении теория фронтальной модернизации представляется эвристически весьма ценным подходом для проведения такого исследования. Насколько нам известно, до сих пор специальных исследований, в которых российские преобразования в Казахской степи и ханствах Средней Азии изучались с точки зрения фронтальной модернизации, практически не появлялось.

Источниковая база. Необходимость объективного анализа процесса и последствий процесса фронтальной модернизации в Казахской степи и среднеазиатских ханствах в контексте антропологии властной коммуникации предполагает обращение к широкому кругу источников, подробная характеристика источников приводится в первой главе диссертации, ниже же мы кратко рассмотрим основные их группы.

Прежде всего это официальное имперское законодательство, включая акты общеимперского и регионального уровня, источники традиционного права государств и народов Центральной Азии, включая мусульманское право и обычное право казахов и среднеазиатских народов. Большой интерес в контексте изучения роли личностного фактора и взаимодействия участников процесса фронтальной модернизации представляет официальная переписка представителей различных имперских властных структур центрального и регионального уровня, а также с представителями национальных властных элит.

Следующую группу источников составляют документы личного происхождения: дневники, воспоминания, путевые записки, отчеты, научные труды представителей властей и национальных элит, ученых и пр.

Еще одним важным источником, отражающим представления о процессе фронтальной модернизации различных политических и социальных кругов являются публикации в средствах массовой информации - газетах и журналах, современных тому или иному этапу этого процесса.

Значительная часть источников уже введена в научный оборот в виде публикации отдельных исторических или историко-правовых памятников – отдельными изданиями ли в виде статей и публикаций документов, в составе тематических подборок и сборников документов. Еще большее число документов до сих пор хранится в архивах и лишь по мере необходимости используется специалистами, исследующими тот или иной аспект проблематики. В рамках нашего исследования использованы документы 28 фондов из 9 федеральных, региональных и зарубежных архивов – Архива внешней политики Российской империи (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва) Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Государственного архива Омской области, Государственного архива Оренбургской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (Ташкент).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые:

- политика Российской империи в Казахской степи в 1730–1820-х гг. и в ханствах Средней Азии 1860–1910-х гг. рассматривается как фронтальная модернизация;

- модернизационные процессы рассмотрены с точки зрения властной коммуникации, т. е. исследовано взаимодействие различных участников в целях разработки и реализации модернизационных мероприятий;

- проведен антропологический анализ властной коммуникации, т. е. выявлена и охарактеризована роль личностного фактора в организации

властной коммуникации при реализации модернизационных процессов, т. е. реализация имперской политики фронтальной модернизации в изучаемом регионе в XVIII–XIX вв. комплексно рассмотрена сквозь призму фундаментальной проблемы роли личности в истории, для чего системно исследованы персональные характеристики ключевых региональных руководителей как со стороны российской администрации, так и со стороны правителей Казахской степи и ханств Средней Азии;

- проведено диахроническое сравнение имперской политики в отношении Казахской степи и ханств Средней Азии.

Диссертационное исследование проведено на основе обширного круга исторических источников. Некоторые архивные источники введены в оборот впервые, значительное же число источников, широко привлекавшихся ранее, анализируется с нового ракурса. Показано значение для изучения российской имперской политики в Центральной Азии таких типов источников как записки путешественников и материалы прессы. Их анализ, в частности, позволяет существенно уточнить и дополнить сложившееся в историографии представление о ходе и сложностях реализации имперской политики фронтальной модернизации в изучаемом макрорегионе, значении властной коммуникации в ее разработке и реализации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Рассмотрение политики Российской империи в Казахской степи и ханствах Средней Азии в рамках методологических подходов фронтальной модернизации и антропологии властной коммуникации имеет эвристическую ценность, заключающуюся в возможности системно проследить и выявить роли личностей, возглавлявших те или иные участки управления носителей власти по обе стороны границы, в процессе принятия и реализации властных решений, по новому посмотреть на причины противоречивости этой политики и динамики уровня ее результативности на разных этапах внутри рассматриваемого исторического периода. К настоящему времени в исторической науке не предпринималось попыток системно рассмотреть политику Российской империи в Казахской степи и ханствах Средней Азии с позиций фронтальной модернизации и антропологии властной коммуникации, однако предшествующая историография вплотную подошла к необходимости решения этой задачи.

2. Характерной чертой начального этапа фронтальной модернизации в Казахской степи (1730-е – 1750-е гг.) являются попытки выстраивания властной коммуникации с национальной элитой в системе имперских ценностей, средств и методов. Это вызывало негативное отношение со стороны казахских правителей, которые игнорировали такие попытки и пытались обходить взаимодействие с уполномоченными на то имперскими региональными властными структурами путем выстраивания неформальной коммуникации (характерной для государств и народов традиционного типа) представителями

центральных органов власти Российской империи. Следствием стало отсутствие целостной модернизационной имперской политики в Казахской степи. Следствием стало отсутствие целостной модернизационной имперской политики в Казахской степи. Это было характерно даже для периода пребывания во главе Оренбургского края не только И. К. Кирилова и В. Н. Татищева (с их глобальными проектами, в которых казахам отводилась весьма скромная роль), но и И. И. Неплюева, несмотря на его весьма активное вмешательство во внутренние отношения казахских жузов.

3. Возможность признания казахскими жузами вассальной зависимости от других государств (Джунгарского и Хивинского ханств, империи Цин), а также их участие в восстании Е. И. Пугачева побудили имперские власти в 1770-х гг. изменить средства и методы властной коммуникации с правителями Казахской Степи. Эти изменения выражались в отказе от формализованного подхода и, вместе с тем, более активном вмешательстве во внутренние дела жузов. В результате не только произошло закрепление функций глав региональных администраций (Оренбург и Сибирь) по связям с Казахской степью, но и возникла необходимость получать от имперских властей согласие на занятие ханского трона – вместо существовавшего ранее номинального признания российскими монархами в ханском достоинстве правителей, избранных на курултае в соответствии с кочевыми традициями.

4. Преобразовательная политика О. А. Игельстрома в 1780–1790-х гг. отражает качественное изменение во взаимодействии российских центральных и региональных властей по поводу имперской политики в Казахской степи. Более четкая регламентация правового статуса главы оренбургской администрации и значительное накопление знаний о казахских политико-правовых и социально-экономических реалиях стала обоснованием большей самостоятельности региональной власти в процессе властной коммуникации по разработке политики в отношении казахов что имело следствием конфликты с центральными властями в лице императрицы. Поэтому последняя прибегла к «административному ресурсу», использовав свою самодержавную власть для принятия того варианта модернизационной политики, который, в отличие от представителей региональных властей, считала целесообразным – в частности, полный отказ от института ханской власти и привлечение к управлению менее родовой казахской элиты. Результатом стала неэффективность и «половинчатость» мер, реализованных Игельстромом по настоянию петербургских властей, скрытый конфликт, а затем и открытое противостояние (вплоть до вооруженного противостояния) казахской правящей элиты как с российскими властями, так и между собой, поскольку у имперской администрации не получилось убедить казахских ханов, султанов и биев в целесообразности столь радикальных преобразований. Поставив под контроль избрание правителей Среднего и Младшего жузов, имперские власти восстановили сам институт ханов и курултай для их избрания, тем самым

поддерживая и сохраняя образ прежней системы власти и управления в Казахской степи.

5. Сравнительный анализ реформ первой половины 1820-х гг. позволяет сделать вывод, что степень реализации проектов реформ во многом зависела от того, каков был статус их создателей, в каких отношениях с центральными властями они находились, какое место в имперской властной иерархии занимали. М. М. Сперанский, занимая пост генерал-губернатора Сибири, обладая значительным влиянием в имперских правящих кругах, сумел добиться принятия своего проекта, который и был реализован после его возвращения в Санкт-Петербурге. Проект П. К. Эссена, не являвшегося столь влиятельным сановником и занимавшего пост лишь оренбургского военного губернатора, был подвергнут серьезной критике и изменениям со стороны центральных властей, в т.ч. при активном участии самого Сперанского, вероятно, увидевшего в предложениях Эссена копирование собственных идей. Реформы М. М. Сперанского и П. К. Эссена отражали продолжение противостояния центральных и региональных властей по вопросам политики Российской империи в Казахской степи. Однако в связи с созданием министерской системы это противостояние перестало быть конфликтом центра и регионов и превратилось в борьбу центральных ведомств, которую на региональном уровне продолжали их представительства – в частности губернаторы, подчинявшиеся Военному министерству, и Оренбургская пограничная комиссия, находившаяся в ведении Министерства иностранных дел. Активно в этом противостоянии участвовали и казахские ханы и султаны, к этому времени освоившие многие средства и методы имперской властной коммуникации – в частности, подачу официальных письменных докладов и жалоб в соответствующие властные структуры, прямое взаимодействие с центральными властями во время визитов или направления делегаций в Петербург и пр.

6. Завершение второго этапа фронтальной модернизации Казахской степи находит яркое отражение во взаимодействиях российских имперских властей и региональных администраций с последними казахскими ханами. В этом отношении наиболее показательна деятельность оренбургского военного губернатора (позднее – генерал-губернатора) В. А. Перовского, старавшегося в 1830–1850-е гг. реализовать модернизационные процессы через прямые контакты (как формальные, так и неформальные) с претендентами на ханский престол, широко задействуя в своей деятельности «административный ресурс» в виде покровительства со стороны императора Николая I. И если Кенесары, несмотря на поддержку Перовского, до самой смерти в 1847 г. старался отстаивать сохранение в Среднем жузе прежней системы власти, управления и права, то Джангир, хан Внутренней Орды, и Иликей, бывший ставленник хивинских ханов на троне Младшего жуза, демонстрировали полную интеграцию в новую систему имперских ценностей. Это обеспечило им сохранение статуса правителей даже в условиях формирования в этот период

новой казахской элиты, не принадлежавшей к ханскому роду и полностью обязанной своим возвышением российской администрации.

7. Начало фронтальной модернизации ханств Средней Азии следует датировать 1830–1850-ми гг., когда представители региональной администрации (в первую очередь – Оренбургского края) старались выстраивать отношения со среднеазиатскими монархами на основе имперской системы международно-правовых и экономических ценностей, базировавшейся на опыте взаимодействия с европейскими странами. Отказ ханов конструктивно взаимодействовать с ними в таком формате стимулировал поиск новых путей выстраивания с ними отношений, нашедший отражение в появлении разнообразных проектов укрепления российских позиций (как экономических, так и политических) в Средней Азии. Этот процесс характеризуется активным участием в обсуждении среднеазиатской имперской политики не только представителей различных властных ведомств разного уровня путем прямых и формальных обсуждений и консультаций, но и более широким кругом заинтересованных лиц – деловых кругов, имевших неформальные связи с властными структурами, и даже журналистов, которые широко использовали возможности средств массовой информации для выражения своего мнения и оценок действий властей (нередко весьма критических).

8. Главной особенностью взаимодействия начальников Туркестанского края в период установления и закрепления протектората Российской империи над Кокандским, Бухарским и Хивинским ханствами (1860–1890-е гг.) стали весьма серьезные конфликты относительно дальнейших модернизационных мероприятий, которые имели место уже не столько между центральными и региональными властями (как прежде), сколько между различными ведомствами Российской империи: Военным министерством (и подчиненными ему туркестанскими генерал-губернаторами) с одной стороны и МИДом и Минфином с другой, что объяснялось существенным усложнением имперской системы органов власти в рассматриваемый период. Попытки провести свою линию в среднеазиатской политике каждое из противоборствующих ведомств старалось с использованием широкого спектра инструментов властной коммуникации – от нормативных актов и иной официальной документации до неформальной переписки и кампаний в прессе. И если К. П. фон Кауфману, благодаря своему особому статусу, удавалось добиваться от центральных властей одобрения и поддержки своих действий в отношении среднеазиатских монархов, то уже его ближайшие преемники (М. Г. Черняев, Н. О. фон Розенбах и др.), не имевшие таких экстраординарных полномочий, были вынуждены в большей степени считаться с мнением своих оппонентов в центральных ведомствах.

9. Властная коммуникация по вопросам модернизации среднеазиатских ханств на рубеже XIX–XX вв. характеризуется конфликтом ведомств и переходом фактического руководства среднеазиатской политикой от Военного

министерства, (региональные представители которого в Туркестанском крае выступали за укрепление российского влияния в Бухаре и Хиве и активную их модернизацию) к Министерству иностранных дел (придерживавшемуся демонстративного признания независимости ханств и невмешательства в их внутреннюю политику). Это привело к тому, что на втором этапе фронтальной модернизации (1900-е – середина 1910-х гг.), наряду с укреплением связей местных правящих элит с имперскими властными кругами и их интеграцией в российскую сановную иерархию, имели место стагнация модернизационной политики и сохранение в ханствах традиционных институтов власти, управления и правового регулирования при минимальном вмешательстве имперской администрации в их внутренние дела. Характерной чертой взаимодействия местных династов с различными представителями имперских властей стало то, что ханы эффективно использовали противоречия российских властных структур и получали разного рода льготы и привилегии от одних из них в ущерб другим. Стараясь переломить эту тенденцию, туркестанская администрация использовала методы и каналы властной коммуникации, к которым раньше практически не прибегала – в частности, кампании в прессе, мнения экспертов и др.

10. Чрезвычайная ситуация, сложившаяся в Центральной Азии в результате восстания 1916 г., способствовала изменениям во взаимодействии региональной администрации с центральными властями позволив ей поднять вопрос о расширении своих полномочий в протекторатах. Для этого туркестанские военные власти позволяли себе в переписке с центральными ведомствами преувеличивать опасность ситуации в Бухаре и Хиве по сравнению с реальной ситуацией (поскольку на самом деле никаких серьезных волнений в ханствах не было). Следствием этого стало усиление контроля туркестанской администрации над ханствами по сравнению с предыдущим периодом. Более тесное взаимодействие региональной администрации с эмиром Бухары и ханом Хивы и фактическое подчинение их представителям туркестанского генерал-губернатора привели к значительному усилению зависимости ханств от Туркестанского генерал-губернаторства и позволили руководству края рассчитывать на дальнейшую реализацию модернизационной политики в том виде, в каком она представлялась ему эффективной.

11. Революционные события в Российской империи в 1917 г. поначалу стимулировали процесс модернизации в Бухаре и Хиве, причем на этот раз речь шла о действительно фундаментальных преобразованиях в системе власти, управления и правового регулирования – вплоть до принятия конституций в ханствах. Для этого представители российских властей стали налаживать прямое взаимодействие не только с правящей элитой, но и с оппозицией в ханствах в лице джадидов – младобухарцев и младохивинцев. Однако опасения Временного правительства утратить контроль над ханствами заставили его,

несмотря на сопротивление региональной администрации, вернуться к прежней политике МИДа и «законсервировать» процесс модернизации в Бухаре и Хиве.

12. Политика Российской империи в Казахской степи в 1730–1820-х гг. и ханствах Средней Азии в 1860-х – 1910-х гг. может быть охарактеризована как фронтальная модернизация, что объясняется не столько «фронтальным» положением самих этих регионов, сколько их особым правовым статусом по отношению к России.

В рамках анализируемых хронологических периодов в Казахской степи и среднеазиатских ханствах четко прослеживаются два основных этапа фронтальной модернизации:

- выстраивание формализованных отношений с правящей элитой вассальных образований, формирование властных институтов, непосредственно отвечающих за контакты с ними и реализацию модернизационных мер и начальный этап аккультурации, т. е. приобщения к политическим (а в ряде случаев и к социально-экономическим) ценностям государства-сюзерена;

- проведение преобразований системы органов власти и управления с целью интеграции вассальных образований в политико-правовое пространство сюзерена, а их правящих элит – в имперскую сановную иерархию.

На разработку и реализацию модернизационной политики Российской империи в Казахской степи и ханствах Средней Азии в значительной степени влияли личные качества и позиции ее конкретных акторов – представителей центральных и региональных имперских властей и местных правящих династий. Личностные характеристики во многом определяли выбор ими средств и методов властной коммуникации, которые они использовали с той или иной степенью эффективности для продвижения собственных взглядов и предложений по реализации реформ в казахских жузах и среднеазиатских ханствах.

Несмотря на более четко структурированные и формализованные процессы властной коммуникации в Средней Азии и использование в них более широкого средства коммуникационных средств и методов, фронтальная модернизация в этом регионе прошла те же два основных этапа, что и в Казахской степи. Однако сначала межведомственные противоречия, а затем и революционные события не позволили достичь в среднеазиатских ханствах того же результата, который был достигнут в Казахской степи в рамках данного этапа.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена возможностью и целесообразностью использования его результатов.

Во-первых, теоретический и фактический материал, выводы диссертации вносят вклад в развитие истории российской имперской государственности, истории Центральной Азии, Казахской степи, государств Средней Азии, Урало-Поволжского макрорегиона. В методологическом отношении апробированный

в диссертации алгоритм анализа может быть использован для изучения других периодов российской истории и направлений фронтальной модернизации.

Во-вторых, учет как позитивного, так и негативного опыта российской политики в имперский период в отношении центрально-азиатского макрорегиона, к которому относились Казахская степь и ханства Средней Азии, на современном этапе может быть использован при формировании концепции и механизмов регулирования межнациональных и межгосударственных отношений.

В-третьих, результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории государственного регионального управления дореволюционной России. Также они могут быть применены в преподавании ряда учебных дисциплин, при разработке учебно-методических материалов для востоковедческих, историко-этнографических, культурологических и краеведческих курсов.

Апробация результатов исследования происходила в рамках выступлений и обсуждений на специализированных научных мероприятиях – круглых столах, конференциях, симпозиумах, конгрессах в 2008–2020 гг.:

- *в России*: Конгресс этнографов и антропологов России (2011, 2015, 2019), «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)» и «Большаковские чтения» (ОГПУ, 2012, 2018, 2020), «Архивное востоковедение» и «Российская диаспора в странах Востока» (ИВ РАН, 2014), «Регион в период модернизации: актуальные проблемы политической жизни» (НИУ ВШЭ – Н. Новгород, 2014), «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки» (СПбГУ, 2015, 2017, 2019), «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.» (Институт истории и археологии УрО РАН, 2013), «Жидковские чтения» (РУДН, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020), «Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность» (КалмГУ, 2016);

- *за рубежом*: «Казахский суд биев – уникальная судебная система» (Алматы, 2008); «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии» (Актобе, 2011); II Съезд молодых востоковедов стран СНГ «Восточные общества: традиции и современность» (Баку, 2013 г.); «От Казахского ханства к независимому Казахстану» (Астана, 2015) «Mongol Law: New Questions and New Approaches» (Киото, 2015); «Empires of Water: Water Management and Politics in the Arid Regions of China, Central Eurasia and the Middle East (16th–20th centuries)» (Гонконг, 2016), международный научный семинар «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов XVIII–XIX веков» (Алматы, 2019).

Промежуточные результаты исследования использованы в преподавании курсов «История государства и права России» и «Научно-исследовательский семинар «Введение в специальность» (НИУ «Высшая школа экономики, 2010–2020) и открытых лекциях в Университете Амстердама (2012), Европейском

университете в Санкт-Петербурге (2017), Оренбургском государственном педагогическом университете (2018), Карагандинском государственном университете (2019).

По тематике диссертации опубликовано 74 научных работы, в том числе 3 монографии и 71 статья, из которых 10 опубликованы в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК по специальности 07.00.02, 13 – в журналах, индексированных в международных базах цитирования Web of Science и/или Scopus (из них 11 также входят в список ВАК).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В соответствии с поставленными целями и задачами исследования диссертация состоит из введения, пяти глав (каждая из которых состоит из трех параграфов и завершается выводами), заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** дается общая характеристика исследования, обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, его хронология и география, цели и задачи, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации работы.

В **первой главе «Исследовательская программа и методы ее осуществления»** формулируются методология и методика исследования, дается характеристика использованных источников, анализируется историография по тематике исследования.

Параграф 1.1 «Методологическая основа и методы исследования» содержит характеристику теоретических и методологических подходов при проведении исследования, в первую очередь – пост-колониального подхода в изучении политики Российской империи в Центральной Азии, концепций фронтальной модернизации и аккультурации, антропологии власти. Описываются основные используемые методы и принципы исследования.

«Постколониальный подход» (работы А. Каппелера, Э. Каррер д'Анкосс, В. В. Трепавлова и др.) позволяет рассмотреть основные направления российской имперской политики в Казахской степи и ханствах Средней Азии, избегая однозначно позитивных или негативных оценок и используя широкий круг источников и исследований, противоречия между которыми будут не игнорироваться, а критически осмысливаться.

Выбор в качестве методологической основы концепции фронтальной модернизации, разработанной И. В. Побережниковым, позволяет осветить особенности подконтрольных Российской империи Казахской степи и среднеазиатских ханств в период «незавершенного освоения» и в полной мере сосредоточиться на выявлении характерных черт имперской политики в Центральноазиатском регионе. Привлечение концепции аккультурации (С. В. Любичанковский и др.) для исследований проблем восприятия элитой и

населением Казахской степи и ханств Средней Азии модернизационных тенденций, новых институтов власти и управления, формата взаимодействия с имперскими властями и пр. позволяет существенно расширить представление о процессе и результатах фронтальной модернизации и осуществлении властной коммуникации в регионах.

Выбор в качестве объекта исследования политики Российской империи и в казахских жузах в период их пребывания под властью ханов, являвшихся вассалами российских монархов, и в ханствах Средней Азии, правители которых признавали российский протекторат, позволяет провести сравнительный анализ основных направлений имперской политики по модернизации этих регионов с целью последующей интеграции в имперское пространство. До сих пор, насколько известно, подобного анализа не проводилось, что обеспечивает новизну исследования, между тем, уровень разработанности тематики – в отношении как Казахской степи, так и среднеазиатских ханств – дает возможность для его проведения. Основной акцент на коммуникационную составляющую политики фронтальной модернизации обеспечивает новизну и междисциплинарный характер исследования и позволяет с нового ракурса взглянуть на исторические источники (введенные в оборот и хранящиеся в архивах) и результаты ранее проведенных исследований по данной тематике.

В параграфе 1.2 «Историография проблемы» анализируется современное состояние изученности темы диссертационного исследования. Анализируется ряд направлений в историографии, непосредственно связанных с тематикой диссертации.

Первое из них – освещение реформ Российской империи в Казахской степи, которое нашло отражение в многочисленных исследованиях, начиная с середины XVIII в. и до настоящего времени. Первыми исследователями стали оренбургские и сибирские чиновники – П. И. Рычков¹, А. И. Левшин², Я. П. Гавердовский³, С. Б. Броневский⁴, А. И. Добросмыслов⁵ и др.

В советский период проблемы реформ, осуществлявшихся в Казахской степи в рассматриваемый период, нашли отражение в трудах М. П. Вяткина⁶,

¹ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

² Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Алматы, 1996.

³ История Казахстана в русских источниках. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 155–495.

⁴ Броневский С. Б. О казахах Средней Орды. Павлодар, 2005.

⁵ Добросмыслов А. И. Тургайская область (Исторический очерк) // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1901. Вып. 15. С. 1–124; 1901. Вып. 16. С. 123–272; 1902. Вып. 17. С. 255–524; Он же. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII–XIX вв. Казань, 1904.

⁶ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941; Он же. Батыр Срым. М.; Л., 1947.

Н. Г. Аполловой¹, С. З. Зиманова², Т. Ж. Шоинбаева³, В. Я. Басина и Б. С. Сулейменова⁴, Е. Б. Бекмаханова⁵ и др. Естественно, основное внимание при этом уделялось социально-экономическим последствиям преобразований.

После распада СССР степень научной разработанности тематики и введение в оборот новых источников позволили исследователям подробно исследовать отдельные аспекты тематики – институционализацию администрации и суда (И. В. Анисимова⁶, Е. В. Безвиконная⁷, Ж. С. Мажитова⁸), модернизацию административных и социально-экономических отношений (А. Ю. Быков⁹), взаимодействие центральных и региональных имперских властей между собой и со степной элитой (Д. В. Васильев¹⁰, Ю. А. Лысенко¹¹), реформы судебной системы в Казахской степи в контексте общеимперских преобразований (В. А. Воропанов¹²), интеграцию казахов в имперское пространство (С. В. Горбунова¹³, Н. М. Емельянова¹).

---

¹ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата 1948; Она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.

² Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; Он же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960; Он же. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981.

³ Шоинбаев Т. Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

⁴ Сулейменов Б. С., Басин В. Я.: Казахстан в составе России в начале XVIII – начале XX века (Истоки великого содружества). Алма-Ата, 1981.

⁵ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Он же. Казахстан в 20-40 годы XIX века. Алма-Ата, 1992.

⁶ Анисимова И. В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 25. № 3. 2018. С. 93–97.

⁷ Безвиконная Е. В. Административная политика самодержавия в Степном крае, 20-60-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

⁸ Мажитова Ж. С. Институт биев в российской и казахской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2016.

⁹ Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Барнаул, 2003.

¹⁰ Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М., 2014; Он же. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015; Он же. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018.

¹¹ Лысенко Ю. А. «Если возможно, возвести в ханское достоинство»: восприятие этноэлитой Среднего жуза реформ 20-х гг. XIX в. (по материалам депутатской миссии казахских султанов в Санкт-Петербург) // Былые годы. 2019. Т. 52. № 2. С. 615–623; Она же. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII—XIX вв.) // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 10. № 8 (82).

¹² Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Ураде и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011. С. 450–504; Он же. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016.

¹³ Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Современные казахстанские ученые уделяют внимание и оценке российского имперского управления в Казахской степи в целом², и таким аспектам, как сосуществованию имперских и традиционных институтов власти и управления (Ж. М. Джампеисова³, П. С. Шаблей⁴), роль конкретных государственных деятелей в проведении реформ (Г. Б. Избасарова⁵), процесс формирования «новой элиты» из числа казахов, привлеченных на имперскую службу (Г. С. Султангалиева⁶).

В историографии дальнего зарубежья число работ по данной тематике весьма ограничено. Обзорная работа о казахах принадлежит М. Олкотт⁷. Исследование В. Мартин посвящено соотношению имперских и казахских традиционных правовых институтов⁸. Комплексный анализ начального этапа пребывания казахов в составе Российской империи (1730–1800-е гг.) осуществлен М. Ходарковским⁹. Японский исследователь Д. Нода анализирует дипломатическую переписку властей Казахской степи, России и империи Цин¹⁰. П. Сартори и П. С. Шаблей исследовали проблемы кодификации казахского обычного права в условиях модернизации¹¹.

Второе направление в историографии – работы, посвященные отдельным личностям – акторам модернизационной политики и, соответственно, участникам властной коммуникации.

Немало работ посвящено личностям и деятельности конкретных российских губернаторов и правителей Казахской степи рассматриваемого периода. Имеется ряд работ о первых начальниках Оренбуржья И. К.

¹ Емельянова Н. М. Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

² См., напр.: Акимбеков С. М. Казахстан в Российской империи. Алматы, 2018.

³ Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006.

⁴ Шаблей П. С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей (1788–1868 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013.

⁵ Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М., 2018.

⁶ Султангалиева Г. С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. Vol. 27. 2009. P. 77–101; Она же. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы, 2015. С. 237–265.

⁷ Olcott M. B. The Kazakhs / 2nd ed. Stanford, 1995.

⁸ Мартин В. Закон и обычай в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке. Алматы, 2012.

⁹ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. P. 152–183.

¹⁰ Noda J. The Kazakh khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian international relations during the eighteenth and nineteenth centuries. Leiden; Boston, 2016.

¹¹ Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019.

¹² Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М., 1949; Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958.

В. Н. Татищеве¹, И. И. Неплюеве². В последние годы внимание исследователей стала привлекать деятельность О. А. Игельстрома³. Обширная историография посвящена сибирскому периоду деятельности М. М. Сперанского⁴. Неоднократно обращались исследователи к изучению деятельности В. А. Перовского⁵.

Уже в 1870–1890-е гг. появляются очерки, посвященные деятельности казахских правителей – Аблая, Кенесары Касымова и его сына Садыка, а также Джангира, хана Внутренней Орды⁶. В советское время биографии казахских ханов были единичны⁷, большего внимания удостоивались представители казахской элиты неханского происхождения⁸. Подавляющее число работ о казахских ханах и султанах появляется в постсоветском Казахстане.

---

¹ Татищев Ю. К истории управления В. Н. Татищевым Оренбургской экспедицией (1737–1739 гг.). М., 1901; Торопицын И. В. «Чтоб на Аральском море город построить». Подготовка начальником Оренбургской комиссии В. Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738–1739 гг. // Исторический архив. № 6. 2009. С. 189–200.

² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1–5. Казань, 1889–1897.

³ Лапин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е гг.). Астана, 2012; Любичанковский С. В. Реляции О. А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 102–107; Васильев Д. В. Реализация реформ О. А. Игельстрома в степи Оренбургского ведомства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 1 (31). С. 17–22.

⁴ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 года. Т. I–II. СПб., 1872; Ядринцев Н. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. Т. 59. 1876. № 5–6. С. 93–116, 461–505; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А., Ремнев А. В. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского). Иркутск, 2003; Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956.

⁵ Юдин П. Л. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. Т. LXXXVI. 1896. С. 409–429, 521–551; Джунджузов С. В. План губернатора В. А. Перовского по рационализации использования калмыцких земель: осуществление и результаты (вторая половина 30-х годов XIX века) // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): сб. статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 года). Оренбург, 2012. С. 493–496; Избасарова Г. Б. В. А. Перовский и его эпоха: опыт социального анализа // Там же. С. 496–500; Оренбургский губернатор В. А. Перовский и интеграция тюркских народов в Российское государство. Материалы всероссийской научной конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 29 апреля 2015 г. М., 2016.

⁶ Валиханов Ч. Ч. Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 111–116; Иванов И. С. Джангер, хан Внутренней киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 2. Алматы, 2001. С. 5–139; Середя Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847 гг.) // Вестник Европы. 1870. Т. IV. С. 541–573; Т. V. С. 60–86; 1871. Кн. 8. С. 655–690.

⁷ См., напр: Бекмаханов Е. Б. Восстание хана Кенесары (1837–1847). Алма-Ата, 1992.

⁸ Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 г.). Очерки по истории национального движения казахского народа. Ташкент, 1927; Шахматов В. Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946; Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л., 1947; Шоинбаев Т. Ж. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856–1857 гг.). Алма-Ата, 1949.

Наибольшей популярностью пользуются биографии ханов Абулхаира¹, Аблая², Кенесары³. На рубеже XX–XXI вв. выходит серия работ Ж. К. Касымбаева, посвященных и менее заметным казахским правителями –Нурали, Ерали, Айшуаку, Джанторе и др. Отдельные работы посвящены ханам Вали и Ширгази⁴ и ряду других ханов и султанов.

Третье направление в историографии – политика Российской империи в ханствах Средней Азии – начало формироваться благодаря трудам современников событий, непосредственно участвовавших в «завоевании и устройении» Средней Азии – Д. И. Романовского⁵, А. И. Глуховского⁶, Л. Ф. Костенко⁷. Более подробные исследования появляются непосредственно в период пребывания Бухары и Хивы под протекторатом – это труды А. Л. Куна⁸, М. А. Терентьева⁹, Н. И. Веселовского¹⁰, А. Ф. Губаревича-Радобыльского¹¹,

¹ Ерофеева И. В. Хан Абулхаир; Кадырбаев А. Ш. О присяге казахского Абулхаир-хана «на верность» в 1742 г. в свете казахско-джунгарских и казахско-персидских отношений // Иран-наме. 2010. № 2 (14). С. 78–94; Турашбекова Д. А. Правовые аспекты военно-дипломатических действий хана младшего жуза Абулхаира // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2013. № 3. С. 3–7.

² Аблай-хан. Кенесары (проблемы национально-освободительного движения). Алматы, 1993; Абуев К. К. Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-русских отношений: дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2002; Лапин Н. С. Избрание казахских ханов (Аблая и Вали) в условиях укрепления в регионе позиций Российской империи (1750–1780 гг.) // Мемлекет тарихы – История государства. 2019. № 1. С. 381–396.

³ Шеметова Т. А. К вопросу о характере движения Кенесары Касымова в 30–40-х гг. XIX в. в Казахстане // Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 года: Материалы конф. Барнаул, 2000. С. 375–380; Асеев А. А. К вопросу о характере движения султана К. Касымова в 1837–1847 гг. // Тезисы докладов и сообщений Четвертых научных чтений памяти профессора А.П. Бородавкина (1919–1996). Барнаул, 2003. С. 387–394; Он же. Политика К. Касымова в Средней Азии и позиция России // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г. Барнаул, 2003. С. 63–71; Дильмухамедов Е. Д. Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837–1847 гг. Алматы, 2010.

⁴ Хафизова К. Посольские связи Вали-хана // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану», 22–23 мая 2015 года. Астана, 2015. С. 118–123; Избасарова Г. Б. Шергазы Айшуаков – последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 98–107.

⁵ Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868.

⁶ Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб., 1867.

⁷ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

⁸ Кун А. От Хивы до Кунграда // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876. С. 203–223; Он же. Очерки Шагрсебзского бекства // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. VI. СПб., 1880. Отд. 1. С. 201–238.

⁹ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Он же. История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб., 1906

¹⁰ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

¹¹ Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905.

Логофета¹ и др. Краткий период пребывания Кокандского ханства под российским протекторатом нашел отражение в работах А. Л. Куна и В. П. Наливкина².

В советский период изучением Бухарского эмирата и Хивинского ханства под российским протекторатом занимались Д. Ю. Арапов³, Х. Пирумшоев⁴, И. В. Погорельский⁵, А. С. Садыков⁶, А. А. Семенов⁷, Т. Г. Тухтаметов⁸, Н. А. Халфин⁹ и др., сосредотачиваясь, прежде всего, на проблемах социально-экономического развития ханств под протекторатом.

В 1990–2000-е гг. российские авторы старались подчеркнуть прогрессивное влияние России на развитие Бухары и Хивы, исследователи же из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана исходили из «колонизаторской сущности» действий имперских властей. Лишь к середине 2000-х гг. стали появляться исследования, в которых предпринимаются попытки объективного изучения конкретных направлений взаимодействия Российской империи и протекторатов на основе документальных источников. В России исследование этой тематики нашло отражение в работах С. Н. Брежневой¹⁰,

---

¹ Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I–II. СПб. 1911.

² Кун А. Очерк Кокандского ханства // Известия ИРГО. Т. XII. 1876. Отд. II. С. 59–70. Он же Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 г. // АВ ИВР РАН. Ф. № 33. Д. 22; Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

³ Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.

⁴ Пирумшоев Х. Отражение истории городов и городской жизни Восточной Бухары конца XIX – начала XX в. в трудах русских дореволюционных исследователей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979.

⁵ Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968; Он же. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917–1924 гг. Л., 1984.

⁶ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX – начале XX вв. Ташкент, 1965; Он же. Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1972.

⁷ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929; Он же. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад, 1954.

⁸ Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966; Он же. Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969; Он же. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977; Он же. Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значения для Хорезмского оазиса). Нукус, 1977.

⁹ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965; Он же. Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М., 1975.

¹⁰ Брежнева С. Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д.Н. Логофета // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 12–17; Она же. Взгляды оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенина на политику Российской империи в Средней Азии // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей научно-практической конференции / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Т. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. С. 62–67.

В. Л. Гениса¹, Е. А. Глущенко², а также в нескольких коллективных монографиях³. Затрагиваются проблемы статуса среднеазиатских ханств под российским протекторатом в трудах исследователей истории Русского Туркестана – Д. В. Васильева⁴, Т. В. Котюковой⁵, Ф. Т. Тухтаметова⁶. В постсоветских государствах проблемами взаимоотношений Российской империи с ханствами Средней Азии занимались Б. М. Бабаджанов⁷, Т. К. Бейсембиев⁸, М. Ниязатов⁹, А. С. Эркинов¹⁰ и др.

В западной историографии интерес к среднеазиатским ханствам под российским протекторатом оказался более значительным, чем к Казахской степи в составе Российской империи, что было связано с «Большой игрой». Уже в последней четверти XIX в. появляются работы Дж. Н. Керзона, Г. Роулинсона, Ч. Марвина¹¹ и др. В период СССР западные исследователи больше внимания уделяли «русской Средней Азии» в целом. Исключение представляют монографии С. Беккера и Э. Каррер д'Анкосс, непосредственно посвященные среднеазиатским протекторатам¹². Среди работ начала XXI в. следует назвать монографию А. Моррисона¹³, ряд работ П. Сартори (преимущественно в соавторстве с У. А. Абдурасуловым) по истории

---

¹ Генис В. Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001.

² Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.

³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Россия – Средняя Азия. Т. 1–2. М., 2011.

⁴ Васильев Д. В. Форпост империи; Он же. Бремя империи.

⁵ Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики в Российской империи. 1905–1917. М., 2008; Она же. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016.

⁶ Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века. Уфа, 1999.

⁷ Бабаджанов Б. М. Русская колонизация Центральной Азии: взгляд местных интеллектуалов // Рабочие документы ИФЕАК. Вып. 7. Март 2004: Исламские ценности и центральноазиатские реалии: тезисы выступлений на международной конференции. Ташкент, 2004. С. 11–22.

⁸ Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источникововедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009.

⁹ Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010; Он же. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб., 2013; Он же. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб., 2014.

¹⁰ Эркинов А. Российская империя и Хивинское ханство (русские: ученый А. Н. Самойлович и путешественник В. Г. Ян в хивинском дворце начала XX в.) // Проблемы востоковедения. 2013. № 3 (61). С. 84–91.

¹¹ Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889; Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on political and geographical condition of Central Asia, 1875; Marvin Ch. The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India. London, 1883.

¹² Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; New York, 2004; Carrère d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. London; New York, 2009.

¹³ Morrison A. S. Russian rule in Samarkand, 1868–1910.

Бухарского эмирата и Хивинского ханства¹. История Кокандского ханства и его подчинения России исследована монографии С. Леви².

Исследования, посвященные государственным деятелям эпохи российского имперского протектората над Бухарой, Хивой и Кокандом, охватывают более узкий круг участников имперской политики, чем круг акторов российской политики в Казахской степи. «Лидером» по числу публикаций стал первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман³. Значительное количество работ посвящено его преемнику М. Г. Черняеву⁴. Практически не привлекал внимание исследователей следующий генерал-губернатор Н. О. фон Розенбах⁵. Последний туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин по вниманию со стороны специалистов может сравниться с К. П. фон Кауфманом⁶. Помимо генерал-губернаторов, внимание

---

¹ Sartori P. Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 59. 2016. P. 193–236; Он же. Seeing Like a Khanate: On Archives, Cultures of Documentation, and Nineteenth-Century Khvārazm // *Journal of Persianate Studies*. Vol. 9. 2016. P. 228–257; Sartori P., Abdurasulov U. Imperial Strategic Uncertainty: The Promises and Perils of a Russian Protectorate in Central Asia // *Aus den Tiefenschichten der Texte. Beiträge zur tuko-iranischen Welt von der Islamisierung bis zur Gegenwart*. Wiesbaden, 2019. S. 233–264.

² Levi S. C. *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age*. Pittsburgh, 2017.

³ Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // *Исторический вестник*. 1913. № 6. С. 891–909; Чижов Б. Генерал-адъютант инженер-генерал Константин Петрович фон-Кауфман. 1818–1882. Биографический очерк. Пг., 1915; Глущенко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 21–203; Васильев Д. В. Устроитель Туркестанского края (к биографии К. П. фон-Кауфмана) // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 5 (153). 2002. С. 45–57; Boulger D. Ch. *Central Asian Portraits: The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States*. London, 1880. P. 85–99; Mackenzie D. *Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867–1881* // *Slavic Review*. Vol. 26. 1967. No. 2. P. 265–285.

⁴ Глущенко Е. А. Герои Империи. С. 344–453; Брежнева С. Н. Генерал М. Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2014. № 1. С. 106–117; Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане: взлеты и падения М.Г. Черняева // *CIAS Discussion Paper*. No. 35. 2013. P. 17–45; Мухамедов Ш. Б. Оренбург – Ташкент: исторические судьбы, или О том, как Михаил Григорьевич не послушался Николая Андреевича и что из этого получилось // *Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции*. Оренбург, 2016. С. 105–111; Boulger D. Ch. *Central Asian Portraits*. P. 225–233; Mackenzie D. *The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev*. Athens, 1974.

⁵ Едва ли не единственная известная нам публикация о нем – это часть обзорного очерка Д. В. Васильева, см.: Васильев Д. В. *Русский Туркестан: судьба и власть*. С. 384–392.

⁶ Белоконь И. В. Туркестан в геополитических и колониальных конструкциях А. Н. Куропаткина // *Омский научный вестник*. 2008. № 6 (74). С. 64–67; Папазов А. В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в его подавлении // *Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки»*. 2012. № 2. С. 109–112; Котюкова Т. В. Алексей Николаевич Куропаткин – последний туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50; Шушкова М. Е. Законотворческая деятельность А. Н. Куропаткина на посту туркестанского генерал-губернатора (1916–1917) // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 6. С. 76–82.

исследователей привлекают военные губернаторы М. Д. Скобелев¹ и Н. С. Лыкошин², политический агент в Бухаре Н. В. Чарыков³ и др.

Практически не уделялось внимания в исследовательской литературе персоналиям среднеазиатских монархов: большинству их посвящены небольшие статьи в дореволюционных журналах, связанные с их восшествием на престол, кончиной или визитами к императорскому двору. Современные исследователи уделяют внимание отдельным правителям в связи с некоторыми аспектами истории того или иного ханства⁴, при этом их вниманием пользуются и видные среднеазиатские сановники⁵.

Современное состояние исследований по истории российской имперской политики в Казахской степи и ханствах Средней Азии позволяет оценить роль и значение конкретных ее акторов в реализации процессов фронтальной модернизации, результативность средств и методов их взаимодействия (властной коммуникации), в т. ч. путем сравнения этой деятельности в Казахской степи и среднеазиатских ханствах.

Параграф 1.3 «Характеристика источниковой базы» посвящен описанию исторических источников, использованных при проведении исследования. Многочисленные привлеченные опубликованные и архивные материалы условно разделены на несколько групп.

Первую группу составляют правовые акты – документы, официально предписывавшие или же закреплявшие российские имперские преобразования в Казахской степи и ханствах Средней Азии. Прежде всего, это акты международно-правового характера – указы российских монархов о принятии в подданство казахских ханов и султанов, приносимые последними присяги, договоры и соглашения российских властей со среднеазиатскими ханами. По мере интеграции Казахской степи и среднеазиатских ханств в состав Российской империи на них стали постепенно распространяться имперские правовые акты, разработанные центральными и региональными имперскими властями (приказы, инструкции, положения). Так, в основу реформы О. А. Игельстрема была положена общеимперская судебная система, однако

¹ Маслов А. Завоевание Ахалтеке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб., 1882; Толбухов Е. Скобелев в Туркестане (1869–1877) // Исторический вестник. 1916. № 10. С. 107–132; № 11. С. 369–403; № 12. С. 638–667; Глуценко Е. А. Герои Империи. С. 204–343.

² Рахимов Н. На перепутье: генерал-востоковед Н. С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. статей. Бишкек, 2017. С. 83–88.

³ Чернов О. А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара, 2010.

⁴ См., напр.: Эркинов А. Культурный перфекционизм в хивинской придворной среде при Мухаммад-Рахим-хане II как способ противостояния режиму русского протектората // История и культура Центральной Азии. Токио, 2012. С. 35–72.

⁵ См., в частности: Рзаев А.К. Туси. Ташкулов Д. Дониш. М., 1990; Холикова Р. Э. К генеалогии Астанакула кошбеги – премьер-министра Бухарского эмирата (1888–1910) (со слов его родственников) // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 20 (62). С. 30–34.

казахские судебные традиции нашли отражение в серии документов по модернизации суда в Казахской степи. «Устав о сибирских киргизах» 1822 г., разработанный М. М. Сперанским, по сути, был «адаптацией» его же «Устава о сибирских инородцах» к реалиям казахского Среднего жуза. Таким образом, для каждой части Казахской степи имперские законодатели старались разрабатывать отдельные положения, учитывающие специфику Старшего, Среднего, Младшего жузов и Внутренней Орды (что ярко показано в трудах Д. В. Васильева). На отношения бухарцев и хивинцев с российскими подданными распространялись некоторые общеимперские нормы – в частности, правила суда и процесса. Нельзя не отметить, что официальные правовые акты не всегда являются объективным историческим источником об отношениях имперских властей, правителей Казахской степи и ханств Средней Азии, поскольку отражают, скорее, идеализированное представление о том, какими эти отношения должны быть. Тем не менее, в рамках данного исследования они представляют ценность как правовое закрепление мероприятий по фронтальной модернизации и как результат властной коммуникации.

Вторая группа источников – материалы официального делопроизводства, которые, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы. Первая – официальная переписка представителей имперских властей между собой и с представителями казахской и среднеазиатской правящей элиты. Эти источники гораздо больше отражают реалии Казахской степи и ханств Средней Азии, содержат личные (субъективные) оценки предлагаемых и реализуемых процессов фронтальной модернизации, мнения по поводу их целесообразности и эффективности. С точки зрения анализа процессов и результатов властной коммуникации официальная переписка является одним из важнейших источников. Документы этой группы содержатся в фондах АВ ИВР РАН, РГИА, АВПРИ, РГВИА, ГАОрО, ГАОмО, ЦГА РК, ЦГА РУз. Довольно значительное их число также опубликовано в тематических сборниках. Также большой интерес представляют документы, отражающие модернизационные процессы в Казахской степи в связи с международной обстановкой. Сведения об отношениях России с Бухарой, Хивой и Кокандом можно почерпнуть из собраний документов об отношениях империи с казахами, туркменами, киргизами, империей Цин и др.

Вторая подгруппа источников, относящаяся к материалам официального делопроизводства – это служебные документы: отчеты представителей региональной администрации или чиновников, выполнявших конкретные поручения властей, протоколы совещаний по вопросам реформ в Казахской степи и ханствах Средней Азии и пр. Ценную информацию по тематике исследования содержат отчеты руководителей региональной администрации о конкретных мероприятиях (журналы В. Н. Татищева и И. И. Неплюева), либо по итогам управления регионом за определенный период (отчеты В. А. Перовского об управлении Оренбургским краем и К. П. фон Кауфмана об

управлении Туркестаном). В таких отчетах содержится не только фактическая информация, но и позиция авторов по отдельным направлениям имперской модернизационной политики. В АВ ИВР РАН и РГИА хранится немало документов, собранных учеными-чиновниками в процессе выполнения должностных обязанностей.

Еще одной важной группой источников являются документы личного происхождения – частная переписка, дневники, записки, мемуары современников о ситуации в Казахской степи и среднеазиатских ханствах в период фронтальной модернизации. Дневники и мемуары, а также частная переписка представителей российских властей в значительной степени введены в оборот: записки и мемуары военного министра Д. А. Милютина, И. И. Неплюева, чиновников оренбургской администрации А. И. Бутакова, Н. Г. Залесова, И. В. Чернова, туркестанских начальников М. Г. Черняева, Н. О. фон Розенбаха и А. Н. Куропаткина, чиновников Г. А. Арндаренко, Н. С. Лыкошина, Н. В. Остроумова, Г. П. Федорова, политических агентов в Бухаре Н. В. Чарыкова, П. М. Лессара, С. В. Чиркина и др. Материалы переписки представителей имперской администрации опубликованы (с исследованием и комментариями) С. Н. Абашиным, Д. Ю. Араповым, В. Г. Бухертом, П. Г. Галузо, Т. В. Котюковой, А. В. Шестаковым и др.

Казахских источников такого типа от рассматриваемого периода до нас практически не дошло, за исключением, возможно, труда султана А. Кенесарина о своем отце и брате. Из сочинений представителей среднеазиатской элиты интерес представляют сочинения М. Р. Агахи, А. Дониша, А. Сами, Мирзы Салимбека, А. Фитрата, Садр-и Зия, С. Айни, Ф. Ходжаева и др.

В отдельную группу источников мы выделяем записки путешественников (дипломатов, ученых, торговцев, журналистов и даже туристов). Большой интерес представляют записки российских путешественников – А. И. Тевкелева, Д. Гладышева и И. Муравина, К. Миллера, Я. П. Гавердовского, Е. К. Мейендорфа, П. И. Демезона, Н. П. Игнатьева, Л. Ф. Костенко, А. Л. Куна, П. М. Лессара, Д. Н. Логофета и др. Из иностранных записок следует особо выделить публикации Д. Кэстля, А. Вамбери, Д. Мак-Гахана, Ю. Скайлера, Д. Добсона, Дж. Н. Керзона, О. Олуфсена, У. Р. Рикмерса, У. Кертиса и др. Основанием для выделения записок путешественников в отдельную группу источников является то, что они отражают свидетельства очевидцев о реалиях Казахской степи и среднеазиатских ханствах и, к тому же, их авторы стараются описать эти реалии в терминах и категориях, понятных российской и европейской читательской аудитории.

Наконец, еще одну важную группу источников составляет публицистика – публикации в газетах и журналах, выходивших в рассматриваемый период. В рамках данного исследования этот источник является весьма показательным, поскольку пресса относится к средствам массовой коммуникации и, в качестве

такового, не только отражает позиции различных групп интересов, политических и социальных слоев, но и сама активно участвует в формировании общественного мнения, являясь, таким образом каналом воздействия на заинтересованные аудитории со стороны различных политических и общественных кругов. Наиболее эффективно он стал использоваться при освещении модернизационных процессов в ханствах Средней Азии 2-й пол. XIX – нач. XX в. Огромную ценность представляет подборка публикаций о политике Российской империи в Средней Азии, печатавшихся в газетах и журналах (от правительственных «Военного сборника» и «Русского инвалида» до либерального «Русского вестника» и консервативного «Русского мира») в рамках «Туркестанского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности» (591 т., 1867–1916 гг.). Также нами привлекаются отдельные издания – «Нива», «Русский вестник», «Гражданин», «Родина», «Исторический вестник», «Русская старина» и др.

Круг источников, использованных в рамках данного исследования, весьма широк и позволяет осветить изучаемые вопросы с разных ракурсов, проанализировать проекты и намерения властей и позиции национальных правящих элит в отношении фронтальной модернизации, механизмы их взаимодействия, задействование определенных методов и средств коммуникации и оценить результативность их использования.

Вторая глава «Казахские жузы в российской имперской политике 1730–1770-х гг.: между традицией и модернизацией» содержит характеристику начального этапа фронтальной модернизации Казахской степи и реализуемые в его рамках процессы властной коммуникации.

Параграф 2.1 «Взаимодействие представителей имперских властей с вассальными казахскими правителями в 1730-е – начале 1740-х гг.» посвящен начальному периоду интеграции Казахской степи в имперское пространство, формальным и личным отношениям представителей имперской администрации (А. И. Тевкелева, И. К. Кирилова, В. Н. Татищева) с казахскими правителями – в первую очередь, с ханом Абулхаиром, проблемам в выстраивании эффективных отношений между ними, выразившихся в том, что имперская администрация практически не предпринимала действий по модернизации Казахской степи.

В параграфе 2.2 *«Рост влияния региональной имперской администрации в отношениях с казахскими жузами: И. И. Неплюев и его “запасный план” (1742–1758 гг.)»* характеризуется активизация имперской администрации в Казахской степи за счет более тесных контактов с представителями местной правящей элиты, учета и использования специфики взаимоотношений между собой различных ветвей казахского правящего рода и, как следствие, укрепление позиций имперских властей, которые стали оказывать

определенное влияние на выбор правителей Младшего жуза, привлечение их к участию в решении пограничных проблем и пр.

В параграфе 2.3 «Институционализация вассально-сюзеренных отношений Российской империи и казахских правителей в 1770-е гг.: причины и последствия» анализируются различные внутренние и внешние факторы, обусловившие переход имперских властей от политики «невмешательства» к активному участию в политико-правовой жизни Казахской степи, контролю местной властной элиты и, собственно, началу модернизационных процессов в регионе.

Начальный этап пребывания Казахской степи под контролем Российской империи, таким образом, характеризуется отсутствием какой-либо четко продуманной политики по интеграции казахов в имперское политико-правовое, социально-экономическое и, тем более, культурное пространство. Следствием непродуманности этой политики стала неопределенность в системе взаимодействия российских властей и казахской правящей элиты. Казахские ханы и султаны, изначально позиционировавшие себя как самостоятельных правителей и субъектов международных отношений, рассматривали монархов Российской империи как равноправных партнеров и стремились напрямую взаимодействовать с ними. Даже когда взаимодействие с оренбургскими властями было в той или иной степени налажено, казахские правители по-прежнему не считали себя связанными обязанностью контактировать исключительно с региональными властями, в результате чего нередко «нарушали субординацию», вступая в прямые контакты с монархами и руководителями центральных ведомств. Это создавало напряженность в отношениях казахских правителей и имперских властных кругов, противоречия между центральными и региональными властями. В результате даже «запасной план» Неплюева не стал примером последовательной политической линии с целью модернизации Казахской степи, являясь, по сути лишь реакцией на действия казахских правителей.

Проблемой во взаимоотношениях между имперскими казахскими правящими элитами стала несовместимость средств властной коммуникации, которые каждая из сторон полагала наиболее эффективными при выстраивании отношений с другой. Власти Российской империи сделали ставку на бюрократические механизмы – формальную опосредованную письменную коммуникацию, считая, что директивный порядок и наделение региональной администрации властными полномочиями окажется эффективным в отношениях между империей и кочевниками. Со своей стороны, казахская элита опиралась на традиционные средства коммуникации – прямые контакты, зачастую неформальные и даже символические – путем совершения ритуальных действий (шертование, обмен дарами и пр.). Лишь угроза перехода казахов в подданство Джунгарского ханства, затем Цинской империи и Хивинского ханства заставила имперскую администрацию сосредоточиться на изучении

казахских реалий, задействовать более широкий набор средств властной коммуникации (в том числе прямых и неформальных), но при этом – институционализировать отношения с казахскими правителями в формате «сюзерен – вассал».

Третья глава «Фронтирная модернизация в Казахской степи в конце XVIII – середине XIX в.: политические акторы и их коммуникация» содержит характеристику первых радикальных преобразований в системе власти и управления казахских жузов (как второго этапа фронтирной модернизации) и их последствий.

Параграф 3.1 «Реформы О. А. Игельстрома: планы и проблемы реализации (1780–1790-е гг.)» посвящен характеристике властной коммуникации представителей имперских властей с правителями Младшего и (отчасти) Среднего жуза в процессе проведения реформы 1780–1790-х гг., посредством которых предполагалось, во-первых, распространить на Казахскую степь (преимущественно Младший жуз) элементы административной и в особенности судебной системы Российской империи (в контексте административных преобразований, реализуемых по воле Екатерины II в общеимперском масштабе), во-вторых, сформировать новый тип казахской правящей элиты, статус которой определялся бы не происхождением и традиционными средствами легитимации, а покровительством имперских властей. Анализируются позиции различных акторов реформы (имперских и казахских), противоречия между ними и причины конечной неэффективности реформы.

В параграфе 3.2 «Ликвидация ханской власти в Среднем и Младшем жузах: проекты М. М. Сперанского и П. К. Эссена и особенности их реализации (1820-е гг.)» анализируются преобразования, разработанные для Среднего жуза сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским в 1822 г. и для Младшего жуза оренбургским военным губернатором П. К. Эссеном в 1824 г. Исследуются предпосылки этих реформ, процесс выработки решений и его согласования с центральными властями и правителями Казахской степи, сравнивается процесс подготовки и реализации модернизационных мероприятий в обоих жузах с учетом личных качеств инициаторов реформ, их взаимоотношений с имперскими властями, казахской правящей элитой, выбор ими тех или иных форм властной коммуникации.

Параграф 3.3 «Российская администрация и последние казахские ханы: казус В.А. Перовского (1830–1850-е гг.)» содержит анализ последствий вышеупомянутых реформ и действий оренбургского начальника В. А. Перовского в отношении тех представителей казахского правящего рода, которые по тем или иным причинам не приняли результаты модернизации. Дается характеристика Перовского как актора фронтирной модернизации, специфики его взаимоотношений с другими представителями имперских

властей и самими казахскими правителями, претендовавшими на ханский титул в условиях упразднения его в ходе модернизационных мероприятий.

Главной тенденцией политики фронтальной модернизации в Казахской степи в рассматриваемый период стало усиление противостояния центральных имперских властей и региональной администрации. Это было связано с тем, что к этому времени руководители регионов приобрели более официальный статус и стали четко осознавать свои права и обязанности. Поэтому они нередко воспринимали вмешательство центральных властей в их «казахскую» политику как посягательство на их прерогативы. Кроме того, в конце XVIII – первой половине XIX в. начинается активное изучение Казахской степи. А поскольку эти сведения собирались по поручению региональных руководителей, они не без оснований считали, что лучше представляют ситуацию в регионе и имеют право на ведущую роль в выработке основных направлений модернизационной политики. Усложнение административно-территориальной системы в азиатских владениях Российской империи стало причиной конфликтов и на горизонтальном уровне – в частности оренбургской администрации с западно-сибирской и астраханской. При возникновении конфликтов стороны использовали самые различные способы их разрешения – от официальной и неофициальной прямой коммуникации (переписка между главами администраций) до апеллирования к вышестоящим властям, при этом учитывались также такие факторы как место того или иного регионального начальника в сановной иерархии, степень покровительства со стороны монарха и пр.

Конфликты вертикального и горизонтального характера между имперскими центральными и региональными властями не были секретом для представителей казахской правящей элиты, которая к этому времени уже весьма плотно контактировала с российскими властями всех уровней. И если на предыдущем этапе (вторая глава) казахские ханы, султаны и старшины-бии старались добиться своего, действуя в обход тех администраторов, в ведении которых находились, то теперь наиболее энергичные представители национальной элиты старались использовать противоречия властей и, апеллируя к одним, добиваться того, чего не смогли получить от других. Анализ взаимодействия имперских властей различных уровней между собой и с казахской властной элитой в рассматриваемый период позволяет сделать вывод об использовании широкого спектра вертикальных и горизонтальных, прямых и опосредованных, устных и письменных коммуникаций. Приобщение казахской национальной элиты к системе имперских ценностей и категорий и способность эффективно добиваться своих целей с помощью имперских средств и методов коммуникации, на наш взгляд, свидетельствует об определенных подвижках в политике фронтальной модернизации и аккультурации Казахской степи.

В четвертой главе «Активизация имперской политики в Средней Азии и закрепление позиций России в ханствах (1830–1890-е гг.)» анализируются отношения между Российской империей и среднеазиатскими монархиями накануне установления и во время протектората.

В параграфе 4.1 *«Модернизация среднеазиатского фронта накануне и в процессе установления протектората: проекты и решения (1830–1860-е гг.)»* дается характеристика основных направлений и проблем выстраивания отношений между империей и ханствами, выявляются различия в позициях центральных и региональных властей о дальнейшем будущем этих отношений, в конце концов приведшие к практически самовольному установлению региональными властями имперского протектората над Бухарой, Кокандом и Хивой, уделяется внимание активному освещению властных действий в прессе, которая становится не только каналом информации, но и одним из создателей общественного мнения в Российской империи по этому вопросу.

Параграф 4.2 *«Формирование системы протекторатов при К.П. фон Кауфмане» (1867–1882 гг.)* посвящен процессу закрепления отношений протектората, характеристике правового обеспечения нового статуса среднеазиатских ханств, позиций имперских властей разных уровней по поводу этого статуса, а также его последствий для отношений ханств с Россией, между собой и с соседними державами, его влияния на внутреннюю обстановку в каждом из ханств и его оценку местными правящими элитами. Рассмотрен начальный этап фронтальной модернизации в среднеазиатских ханствах, мероприятия в рамках которого были реализованы первым туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом и известны в историографии как эпоха «завоевания и устроения» Средней Азии. Выявляются основные направления его политики в отношении ханств, характеризуются особенности взаимоотношений с местными монархами и властными элитами, средства и методы убеждения Кауфманом центральных имперских властей в целесообразности своей политической линии, а также попытки среднеазиатских монархов добиться изменения этой политики путем прямых контактов с Санкт-Петербургом.

Параграф 4.3 *«Модернизационные процессы в ханствах в 1880–1890-х гг.»* посвящен политике фронтальной модернизации, которую проводилась в отношении среднеазиатских ханств преемниками К. П. фон Кауфмана, номинально ответственными за поддержание отношений с ханствами, но при этом лишенные многих административных и правовых рычагов, которыми обладал К. П. фон Кауфман и, кроме того, в большей степени были вынуждены с позицией Министерства иностранных дел. Тем не менее, нельзя не отметить, что многие начинания первого туркестанского генерал-губернатора были успешно реализованы именно при его преемниках (в первую очередь, Н. О. фон Розенбахе), чьи усилия, в т. ч. по убеждению центральных властей в целесообразности своей политики в ханствах Средней Азии охарактеризованы

в данном параграфе. Продвижение России в Среднюю Азию и установление протектората над среднеазиатскими ханствами имело своей отличительной чертой весьма широкие полномочия руководителей региональных администраций и военного командования, контролировать которых центральные власти не могли в силу отдаленности региона и быстроты происходивших в них событий. Однако при региональные власти выражали волю и интересы определенных политических кругов, стремившихся упрочить положение России в Центральной Азии, обезопасить ее границы, открыть новые рынки и пр.

Можно увидеть немало сходных черт в осуществлении властной коммуникации между имперскими властями и казахскими правителями в XVIII в. и имперской региональной администрацией и монархами Средней Азии в 1830–1870-е гг.: отношения сначала строились исключительно на личных контактах, стороны стремились произвести друг на друга впечатление, внушить уважение. Любые соглашения воспринимались как личная воля подписавших их лиц, и их преемники не считали себя связанными их положениями. Аналогичным образом региональные власти старались ограничивать прямые контакты местных династов с центральными властями, понимая, что последние, иначе видя ситуацию из столицы, могут одобрить ту или иную просьбу среднеазиатских монархов, которую решительно бы отклонили руководители туркестанской администрации.

Лишь ближе к концу XIX в. ситуация меняется: местные династы начинают взаимодействовать с имперскими властями с помощью средств и методов коммуникации, которые были распространены в самой России: коммуникационные процессы формализуются и приобретают строго иерархический характер. В то же время происходит первичная аккумуляция среднеазиатских ханств – на уровне правителей и представителей правящей элиты, начинающих рассматривать возможность проведения преобразований в своих владениях, приобщения к европейским ценностям и т. д. Яркой чертой процесса продвижения России в Центральную Азию и преобразований в протекторатах стало существенное расширение участников этого процесса: наряду с центральными и региональными властями в нем оказались задействованы такие группы интересов как деловые круги и средства массовой информации.

Пятая глава «Взаимодействие субъектов власти Российской империи и ханств Средней Азии в начале XX в.: между модернизацией и традицией» посвящена второму и завершающему этапу пребывания среднеазиатских ханств под российским протекторатом, роли конкретных лиц в реализации политики фронтальной модернизации в Бухаре и Хиве (с начала XX в. по 1917 г.).

В параграфе 5.1 *«Стагнация модернизационной политики Российской империи и сохранение в ханствах традиционных институтов власти и управления»* характеризуется состояние неопределенности в составе акторов

процесса фронтальной модернизации протекторатов. Наряду с главами туркестанской краевой администрации и самими среднеазиатскими монархами активными участниками модернизационного процесса становятся представители МИДа – в частности, политические агенты в Бухарском эмирате, имеющие немало возможностей для реализации в этом протекторате политики своего ведомства, нередко в корне противоречившей политике туркестанских генерал-губернаторов и их руководства в лице Военного министерства. Противостояние двух ведомств обусловило задействование каждой из сторон широкого спектра средств властной коммуникации для обеспечения поддержки своей позиции императорами и высшими органами власти империи. Кроме того, оно способствовало активизации контактов местных монархов с различными имперскими ведомствами в попытках использовать их противоречия для упрочения собственных позиций как внутри ханства, так и в отношениях с Российской империей. Политика МИДа, сводившая к минимуму участие России во внутренних делах протекторатов способствовала стагнации в развитии ханств, которые к концу XIX в. были готовы на некоторые реформы. При этом МИД обосновывал нежелательность включения Бухары и Хивы в состав России тем, что они до сих пор отстают по уровню развития даже от соседних российских регионов.

В то же время контакты бухарской и хивинской элиты с имперскими властями различных уровней все более укреплялись, и местные династии были прекрасно осведомлены о противоречиях в отношениях военного ведомства с одной стороны и внешнеполитического и финансового с другой. Эти противоречия они старались использовать в своих интересах, пытаясь как можно дольше сохранить неприкосновенность своей власти, прежние традиции управления и контроля хозяйственной деятельности в своих владениях, уже не рассматривая никаких вариантов модернизации. Для этого они путем личных контактов или в переписке апеллировали к противостоящим властным структурам, надеясь получить от одних то, чего не смогли добиться от их политических противников. Военное министерство старалось противостоять такой позиции МИДа, периодически возобновляя дискуссии о целесообразности дальнейшей модернизации протекторатов. Для этого руководство военного ведомства использовало широкий спектр каналов властной коммуникации – от прямых межведомственных контактов на центральном и региональном уровнях до мнений экспертов (Д.Н. Логофет и др.), а также вовлекая в них новых участников политических процессов в лице Государственной Думы и самих монархов Бухары и Хивы.

Во *параграфе 5.2 «Усиление российского влияния в ханствах в результате восстания 1916 г.»* анализируется политика фронтальной модернизации в чрезвычайных обстоятельствах – в условиях среднеазиатского восстания 1916 г. Попытки форсировать процессы модернизации под предлогом введения особого положения в ханствах, предпринятые последними туркестанскими

генерал-губернаторами Ф. В. фон Мартсоном и А. Н. Куропаткиным были связаны с восстановлением роли региональных властей в политике фронтальной модернизации под предлогом необходимости более жесткого контроля протекторатов как регионов, потенциально готовых принять участие в восстании, охватившем центрально-азиатские владения самой империи. Так, региональные власти, не сумев окончательно выиграть борьбу за контроль над протекторатами у внешнеполитического ведомства, делали ставку на возникновение каких-либо чрезвычайных обстоятельств в регионе, которые увеличили бы полномочия военной администрации и позволили бы ей принимать оперативные решения без предварительного согласования с центральными властями. По сути, это был некий аналог «запасного плана» И. И. Неплюева, и его реализация оказалась возможной из-за восстания 1916 г., во время которого, несмотря на то, что оно не охватило протектораты, региональные власти нашли возможность усилить контроль над Бухарой и Хивой, открыв путь для дальнейших модернизационных процессов.

В параграфе 5.3 «Особенности российской политики модернизации ханств в период Временного правительства (1917 г.)» прослеживаются действия новых российских властей по активизации преобразования в протекторатах, сделав их еще более близкими Российской империи в политико-правовом и социально-экономическом отношении. Для этого представители Временного правительства впервые за все время протектората начали взаимодействовать не только с правящей элитой Бухары и Хивы, но и с оппозицией в лице джадидов (младобухарцев и младохивинцев). Однако Временное правительство сделало упор не на интеграцию ханств в имперское пространство, а на революционные преобразования в них, что, в свою очередь привело к дестабилизации положения в Бухаре и Хиве. В результате власти революционной России пришли к выводу о необходимости «консервации» политических и социально-экономических отношений, что было поддержано как самими местными монархами, так и российскими резидентами в этих государствах.

События февраля 1917 г. радикально изменили властную структуру империи, прежние центры влияния перестали существовать, и в новых условиях вновь актуальным стал вопрос о переменах в протекторатах, которые органично вписывались в реформы в самой России. Однако из-за того, что Временное правительство встретило проблемы в реализации собственных властных полномочий по всей стране, столкнулось с «альтернативными» советскими органами власти, оно сочло проведение реформ в ханствах рискованным и, соответственно, вернулось к прежней имперской политике – консервации политических и социально-экономических отношений в них «до лучших времен». Со своей стороны, правители ханств, видя, что привычное покровительство российских властей перестало работать в новых условиях, какое-то время «по инерции» сохраняли им лояльность, однако вскоре были

вынуждены лавировать между противоборствующими политическими силами в революционной России, а также идти на компромисс с внутренней оппозицией.

В **заключении** приводятся обобщающие выводы относительно успешности политики фронтальной модернизации в Казахской степи ханствах Средней Азии, роли личностного и коммуникационного факторов в модернизационных процессах, оценивается степень соотношения соответствующих этапов модернизации в казахских и среднеазиатских регионах с учетом роли отдельных акторов в реализации этих процессов и степень эффективности использовавшихся ими средств и каналов властной коммуникации. Автор приходит к выводу о значительной роли личностного и связанного с ним коммуникационного факторов в профессах фронтальной модернизации Казахской степи в 1730–1850-е гг. и среднеазиатских протекторатов в 1860–1910-е гг. и, соответственно, об оправданности и перспективности исследования модернизационных процессов с точки зрения антропологии властной коммуникации.

Список источников и литературы включает использованные архивные материалы, опубликованные источники (включая сборники и отдельные акты), научные публикации по тематике исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ НАШЛИ ОТРАЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Список публикаций в рецензируемых журналах, включенных в базы Web of Science и Scopus

1. Почекаев Р. Ю. А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х – начале 1860-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 142–150. (0,7 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

2. Pochekaev R.Yu. The political and legal views of Mikhail Speranskiy in the Rules on the Siberian Kirghiz // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'Histoire du Droit / The Legal History Review. Volume 84. No. 1–2. 2016. P. 290–312. (1,6 п. л.).

3. Pochekaev R.Yu. Törü: Ancient Turkic Law 'Privatised' by Chinggis Khan and His Descendants // Inner Asia, Vol. 18. No. 2. 2016. P. 182–195. (0,9 п. л.).

4. Почекаев Р. Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. № 414. 2017. С. 108–113. (0,8 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

5. Почекаев Р. Ю. Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 111–122. (1,0 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

6. Почекаев Р. Ю. Несбывшиеся ожидания: император Петр III и казахские правители // Вестник Томского государственного университета. № 430. 2018. С. 120–125. (0,8 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

7. Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (докладная записка В. П. Череванского 1872 г.) // Oriental Studies. 2018, Vol. 39. No. 5. P. 58–78. (2,0 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

8. Почекаев Р. Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 20. 2018. № 4 (181). С. 152–166. (1,1 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

9. Почекаев Р. Ю. Мнимый сюзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI — начала XVIII вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 1 (75). (1,1 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

10. Почекаев Р. Ю. Честолюбие «полупадишаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К.П. фон Кауфман // Quaestio Rossica. Т. 7. № 1. 2019. С. 115–128. (1,0 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

11. Почекаев Р. Ю. Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // Oriental Studies. Т. 41. 2019. № 1. С. 28–40. (1,3 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

12. Почекаев Р. Ю. Судьба экспедиции И.Г. Гербера в контексте российско-казахских отношений начала 1730-х гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 24–30. (0,9 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

13. Почекаев Р. Ю. Экономические инструменты продвижения Российской империи в Средней Азии: фиксация курса таньги в Бухаре и Хиве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 8 (82). (1,1 п. л.). *(Также включен в перечень ВАК).*

Список публикаций в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ

1. Почекаев Р. Ю. Присоединение Средней Азии к Российской Империи и борьба за общественное мнение в России (1840–1910) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 45–58. (0,9 п. л.).

2. Почекаев Р. Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX вв. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 38–44. (0,5 п. л.).

3. Почекаев Р. Ю. Мухаммедшариф Аитов как исследователь государственности и права народов и государств Центральной Азии // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 237–242. (0,5 п. л.).

4. Почекаев Р. Ю. Нюансы посольского права в московско-крымских отношениях середины XVII в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 2 (68). № 4. 2016. С. 47–52. (0,5 п. л.).

5. Почекаев Р. Ю. Право и суд в Бухаре и Хиве первой половины XIX в. глазами российских и британских путешественников // Восток (Oriens). 2018. № 3. С. 51–63. (1,2 п. л.).

6. Почекаев Р. Ю. Западные путешественники о политико-правовых реалиях Монголии XVII – начала XX века // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 2 (45). С. 14–23. (1 п. л.).

7. Почекаев Р. Ю. [Рец. на:] Каторин Ю. Ф. Андреевский флаг над барханами. Участие российских моряков в завоевании Средней Азии. СПб.: Гангут, 2018. 208 с. // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 211–217. (0,6 п. л.).

8. Почекаев Р. Ю. Конкуренты или партнеры? Кавказ, Оренбург и Туркестан в присоединении Средней Азии к России (конец 1860-х – начало 1880-х гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 2. С. 202–216. (1,4 п. л.).

9. Почекаев Р. Ю. Участники российских морских экспедиций о международно-правовом положении кочевников Восточного Прикаспия в XVIII-XIX вв. // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 132–145. (1 п. л.).

10. Почекаев Р. Ю. Использование российских войск в среднеазиатских протекторатах Российской империи // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 34–39. (0,7 п. л.).

Монографии

1. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 384 с. (23,7 п.л.).

2. Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 424 с. (25,7 п. л.).

3. Почекаев Р. Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020. 328 с. (19,9 п. л.).

Прочие публикации

1. Почекаев Р. Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. Апрель 2008. № 4 (81). С. 51–58. (0,9 п. л.).

2. Почекаев Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 1: Правовые системы, действовавшие в Казахском ханстве в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2. С. 156–165. (0,7 п. л.).

3. Почекаев Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 85–96. (0,9 п. л.).

4. Почекаев Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 3: Право и суд Казахстана в составе Российской империи. (1868–1917 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 1. С. 57–75. (1,5 п. л.).

5. Почекаев Р. Ю. Казахский суд биев глазами российских исследователей начала XIX – начала XXI вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 81–88. (0,8 п. л.).

6. Почекаев Р. Ю. «Российский фактор» в легитимации власти правителей тюрко-монгольских народов и государств в XVIII-XIX вв. // Архивы и история Российской государственности. Вып. 3. СПб., 2012. С. 72–80. (0,5 п. л.).

7. Почекаев Р. Ю. Эволюция органов государственной власти и управления Казахстана в составе Российской империи (XVIII – начало XX века): административно-правовой компромисс // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): Сб. статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 года) / Под ред. Е. В. Годовой, С. В. Любичанковского. Оренбург, 2012. С. 33–37. (0,7 п. л.).

8. Почекаев Р. Ю. Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 333–342. (0,6 п. л.).

9. Почекаев Р. Ю. Шигай-султан – правитель Внутренней Орды // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект: Сб. науч. трудов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 148–157. (0,5 п. л.).

10. Почекаев Р. Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190. (1,1 п. л.).

11. Почекаев Р. Ю. Взаимодействие правителей казахского Младшего жуза с российскими центральными и пограничными властями: противоречия и способы их решения // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26-27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. С. 467–476. (0,6 п. л.).

12. Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернативу российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII – середины XIX в. (правовые аспекты) // Mongolica-XIII. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 13-21. (1,2 п. л.).

13. Почекаев Р. Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв.: Сб. научных трудов. Уфа; Sterlitaмак: Sterlitaмакский филиал БашГУ, 2014. С. 73–86. (0,8 п. л.).

14. Почекаев Р. Ю. Монаршая воля и собственное усмотрение губернаторов в отношениях Российской империи с Казахстаном в контексте фронтальной модернизации (конец XVIII – начало XIX вв.) // Регион в период модернизации: актуальные проблемы политической жизни: материалы III Международной научно-практической конференции, 18 апреля 2014 г. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 33–36. (0,3 п. л.)

15. Почекаев Р. Ю. Религиозная политика российской имперской администрации в Центральной Азии как фактор фронтальной модернизации: от О.А. Игельстрома до К.П. фон Кауфмана // Религия в истории народов России и Центральной Азии: Материалы II международной научной конференции. Барнаул, 30-31 октября 2014 г. Барнаул, 2014. С. 247–252. (0,5 п. л.).

16. Почекаев Р. Ю. Российское влияние на политико-правовое развитие Бухарского эмирата (по запискам западных путешественников последней трети XIX – начала XX вв.) // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ. Баку, 11-14 октября 2013 года. М.; Баку, 2014. С. 149–162. (1,0 п. л.).

17. Почекаев Р. Ю. Указ императрицы Анны и присяга хана Абулхайра 1731 г.: между старинными обычаями и новым имперским законодательством // Отан тарихы. 2014. № 3. С. 5–16. (0,9 п. л.).

18. Почекаев Р. Ю. Ученые или администраторы? К оценке деятельности И. К. Кирилова и В. Н. Татищева на начальном этапе вхождения Казахстана в состав Российской империи // Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII – нач. XX вв.: региональный аспект: Сб. научных трудов. Sterlitaмак, 2014. С. 126–148. (1,2 п. л.).

19. Почекаев Р. Ю. Бухарцы перед русским судом в первой половине XIX века: законодательное регулирование и судебная практика (по материалам Объединенного государственного архива Челябинской области) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской конференции. Челябинск, 28 сентября 02 октября 2015 г. Челябинск, 2015. С. 334–337. (0,5 п. л.).

20. Почекаев Р. Ю. И снова о личности в истории: новая работа по истории казахско-русских отношений в первой половине XVIII века. Рецензия на книгу: Ерофеева И. В. «Между семи старшинами знатнейший. Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы, 2013. С. 308 + 12 вкл. // Отан тарихы. 2015. № 4. С. 169–173. (0,4 п. л.).

21. Почекаев Р. Ю. Изменение правового статуса казахской элиты: от вхождения Казахстана в состав Российской империи до «Великих реформ» // Право и общество: эволюция во взаимодействии (Жидковские чтения). Материалы Международной

научной конференции. Москва, 28–29 марта 2014 г. М.: РУДН, 2015. С. 232–239. (0,5 п. л.).

22. Почекаев Р. К вопросу о различиях европейского и российского вариантов имперского строительства в конце XVIII в.: судебная реформа О.А. Игельстрома в Казахстане – колонизация или модернизация? // Европейская цивилизация: мировой исторический опыт и современные проблемы. Стерлитамак, 2015. С. 36–40. (0,6 п. л.).

23. Почекаев Р. Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18. (0,7 п. л.).

24. Почекаев Р. Ю. Особенности правовой политики Российской империи по «женскому вопросу» в ханствах Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 41–44. (0,5 п. л.).

25. Почекаев Р. Ю. Реформатор или технический исполнитель? Роль оренбургского военного губернатора П. К. Эссена в правовой политике Российской империи в Казахстане // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. С. 91–110. (1,1 п. л.).

26. Почекаев Р. Роль «Устава об управлении сибирских киргизов» в политико-правовом развитии Казахстана // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану», 22–23 мая 2015 года. Астана, 2015. С. 80–87. (0,5 п. л.).

27. Почекаев Р. Ю. Трансформация тарханства в Поволжье и Приуралье XVIII–XIX вв.: древний тюркский институт на службе Российской империи // Исторические судьбы народов Поволжья. Вып. 5. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2015. С. 352–367. (0,9 п. л.).

28. Почекаев Р. Ю. «Калмыцкий опыт» для реформ суда по обычному праву кочевников русской Центральной Азии в XIX в. // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Материалы российской научной конференции с международным участием, 16–19 марта 2016 г. Элиста: КалмГУ, 2016. С. 176–182. (0,7 п. л.).

29. Почекаев Р. Ю. Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты) // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докладов Международной научно-практической конференции. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 156–170. (0,8 п. л.).

30. Почекаев Р. Ю. От дипломатии к войне и обратно: оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский и Хивинское ханство (середина 1830-х – начало 1840-х гг.) // Оренбургский губернатор В. А. Перовский и интеграция тюркских народов в Российское государство. Материалы всероссийской научной конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 29 апреля 2015 г. М.: ИВ РАН, 2016. С. 84–94. (0,6 п. л.).

31. Почекаев Р. Ю. Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв. // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 132–147. (1,1 п. л.).

32. Почекаев Р. «Под ближайшим руководством резидентства...» Временное правительство, Бухарский эмират и Хивинское ханство // Восток свыше. Вып. XL. 2016. № 1–2. С. 70–79. (0,8 п. л.).

33. Почекаев Р. Ю. Последний казахский хан: султан Иликей Касымов в среднеазиатской политике В. А. Перовского // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 191–195. (0,5 п. л.).

34. Почекаев Р. Ю. Роль кавказских наместников в Центрально-Азиатской политике Российской империи. Ч. 1: Кавказское наместничество и Букеевское ханство // Transcaucasica Вып. 3. 2015–2016. М.: МБА, 2016. С. 158–165. (0,6 п. л.).

35. Почекаев Р. Ю. Российский деятель казахской истории конца XVIII в. Рец. на книгу: Лапин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е гг.). – Астана: Сарыарка, 2012. – 384 с. // Отан тарихы. 2016. № 1. С. 191–196. (0,6 п. л.).

36. Почекаев Р. Ю. [Рец. на:] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. – 1032 с. // Письменные памятники Востока. 2016. № 1 (24). С. 131–135. (0,4 п. л.).

37. Почекаев Р. Ю. «Миссия в Хиву и Бухару» графа Н. П. Игнатьева: роль одного дипломата в среднеазиатской политике России по его собственным мемуарам // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики. М.: Библио-Глобус, 2017. С. 299–316. (0,8 п. л.).

38. Почекаев Р. Ю. Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 40–49. (0,6 п. л.).

39. Почекаев Р. Ю. «Страна бесправия» Д.Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. // Военно-юридический журнал. 2017. № 5. С. 26–30. (0,5 п. л.).

40. Почекаев Р. Ю. Ереже – национальный источник права Казахстана в составе Российской империи // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения. / Отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С. 505–512. (0,4 п. л.)

41. Почекаев Р. Ю. Обсуждение проекта «Положения об управлении в областях туркестанского генерал-губернаторства» 1873 г. на страницах столичной прессы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 26–30. (0,5 п. л.).

42. Почекаев Р. Ю. Первый туркестанский генерал-губернатор глазами последнего: А. Н. Куропаткин о К. П. фон Кауфмане // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 1. С. 14–18. (0,5 п. л.).

43. Почекаев Р. Ю. Российская империя и Центральная Азия: правоотношения в контексте фронтальной модернизации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 72–81. (0,7 п. л.).

44. Почекаев Р. Ю. Ч. Ч. Валиханов о политическом и правовом развитии среднеазиатских ханств в первой половине XIX века // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 12–17. (0,6 п. л.).

45. Почекаев Р. Ю. Шкура неубитого медведя: место среднеазиатских ханств в проектах развития российской торговли в Средней Азии 1860-х гг. // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей международной научно-практической конференции / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 109–112. (0,4 п. л.)

46. Почекаев Р. Ю. А. Н. Куропаткин о российских протекторатах в Средней Азии // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 136–145. (1 п. л.)

47. Почекаев Р. Ю. Казахстан, Ташкент, Восточный Туркестан под властью Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. (по запискам российских путешественников) // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного / Отв. ред. и сост. Т.Д. Скрынникова. М.: Наука – Восточная литература, 2019. С. 147–154. (0,5 п. л.).

48. Почекаев Р. Ю. Об обстоятельствах перехода султана Тайчика Кенесарина в российское подданство // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей научно-практической конференции / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Т. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. С. 35–39 (0,4 п. л.).